

Катерина Файн

ПОЛЮБИТЕ МЕНЯ БЕЗ КОСМЕТИКИ

– Все, ухожу! – Вобликова металась по комнате в поисках второго полосатого носка. – Не могу я больше в этом издательстве работать! Я режиссер, а не коврик для ног! – голосила она в беспородные уши глухого кота, пролетая, как дротик, мимо пластмассовой зоомиски. Кот индифферентно дожевывал куриную ножку, совершенно не собираясь участвовать в ее редакторско-истерической жизни. – И где, черт побери, моя ручка?! Почему я до сих пор не могу написать заявление этому уроду?! Кеша, мать твою, кошку! Ты опять разбросал все ручки!

Зазвонил телефон. Вобликова схватила трубку, аппарат рухнул – под ним возлежал пресловутый второй носок.

– Да! Буду через полчаса! – прижимая трубку коленом к уху, Вобликова натягивала синезеленый носок. – И не хрен в ЖЖ про меня всякие гадости строчить! Вот еще! Лика, ты дура! Потом поговорим. И вообще: я увольняюсь с работы, поэтому цена за платье увеличивается!

Обеденный перерыв у работников «Дома моделей», куда Викторина Вобликова отправилась сразу после разборок с носком и подругой, оказался виртуальным. Это означало, что дел у отставного мужа-закройщика накопилось столько, что глаза его непривычно косили вправо, на квартальный план, висящий рядом с трудовым местом. От выполнения этого плана зависела не только премия, но и свободное время, то есть отгулы. Но сейчас у бедного Понькина не было времени даже на бутерброд, которого, впрочем, у него тоже не было. Заметив оттопыренный карман бывшей супруги, закройщик по-детски открыл рот. В карманах дальновидная Вобликова обычно носила печенье. Укротитель элитных тканей об этом знал.

– Здорово, Воблик! – выдохнул Понькин. Его измочаленный взгляд уперся в округлость бедра. – Чё так поздно-то?

– Нормально. Печенюшку хошь?

– Ага! – благодарность экс-мужа отразилась в его бирюзовых глазах. Они перестали косить.

– Платье давай!

Понькин отряхнул руки, поправил сантиметр на тонко-стебельковой шее и удалился в подсобное помещение. А Вобликова уселась на край стола и предалась мемуарам. Тысячу сто восемнадцать дней назад она вышла замуж за Понькина. На нем был все тот же вишневый пиджак в клеточку и светло-голубой сантиметр, перекинутый как шарф через плечо. Вот за этот вот легкий жест перекинутого шарфа Вобликова и полюбила закройщика. Но... Видимо, Фредерик Бегбедер оказался прав: любовь живет три года, и к завершению этих счастливых лет, Понькин присмотрел для себя другую Вобликову – а именно младшую сестру Викторины, с которой, впрочем, он тоже расстался, но уже гораздо быстрее.

– Ах, душа моя шелковая! Ты только взгляни, какая прелесть! Эксклюзив! – Понькин аккуратно разложил платье на разделочном столе закройщика. Свадебный наряд и вправду отличался авангардом цвета и кроя: он был фиолетовым с безрассудными перепадами длины.

– Согласна. Любая дурнушка в таком туалете будет супер-стар!

– И зачем оно тебе понадобилось – не пойму. Замуж выходишь?

– Ой, Поничка! Я тебя умоляю! – Вобликова почувствовала долю ревности и расцвела. – Нет, родной, я его продаю.

– Продаешь? Лучшее мое платье? Это же авторская модель, Воблик! В нем сама Наталья Водянова дефилировала!

– Вот и прекрасно! А автограф она тебе не оставила?

– Какой автограф?! – Понькин почти рыдал, позабыв о квартальном плане.

– С автографом я бы на аукцион выставила... Интересно, кто бы его купил? Может, ее муж?

– Вобликова расправила шифоновые кувшинки на едва уловимых бретельках. – Ну, не

расстраивайся! В конце концов, оно ведь мое? А дешево я не продам, обещаю. Вот только надену последний раз, можно? – Воблик впихнулась в примерочную и задернула штору. Было слышно, как она снимает джинсовую куртку, и Понькин вдруг вспомнил, что бывшая жена крайне недурна собой. Чтобы убедиться в точности воспоминаний, Понькин приоткрыл штору и тут же получил в глаз.

– Какого лешего?! – выругалась Воблик и добавила нецензурное «бля».

– Я хотел помочь... – Понькин смиренно отчалил к портновскому столику. «И все-таки она хороша! Ради такой задницы можно потерпеть даже мерзкую сущность», – подумал он.

В этот момент в комнату влетел главный кутюрье салона Толя Кроликов в сопровождении своей гиперактивной мамы, исполняющей обязанности секретаря. Пятый год мама занимала место ушедшей в декрет Толиной жены, и покинуть модельный бизнес не собиралась. Она выпасала Толика ежедневно, дома и на работе, отчего у главного костюмера очень портился характер. Кстати, за время мамино секретарства Толик успел разойтись с женой. Но в данный момент речь шла не об этом.

– Мама, она тупая, как пробка! Она до сих пор считает, что Церетели – это вино! – вопил Кроликов, хватая предметы шитья, возникавшие на его пути.

– Ну, и что? Ей не экзамены в Академию сдавать! Подумаешь! Вилять задом на подиуме можно и без мозгов! – чувствовалось, что беседа была продолжительной, и мамины планы становились серьезней.

– Чего ты от меня хочешь?!

– Я хочу, чтобы ты отправил ее на этот долбанный конкурс! – мама наседали харизмой и какой-то запредельной уверенностью. Несмотря на достоинства и нужные связи, лавровый венок миновал ее голову, теперь она мечтала об успехах любимого сына.

– Но если она выиграет, ей нужно будет давать интервью! – от этой мысли Толику сделалось совсем худо, и он шмякнулся в кресло рядом с примерочной, где находилась обнаженная Вобликова.

У мамы зазвонил телефон, она сняла трубку и со словами «Тащите все это наверх!», вышла за дверь.

Измученный Кроликов затих в своем кресле. Жизнь у него и вправду была не из легких. Одно дефиле сменялось другим, длинноногие манекенщицы мелькали и почти не запоминались, а еще приходилось придумывать новые коллекции и участвовать в международных выставках. «Господи! Послать бы все это на хрен, сесть в самолет и укатить куда-нибудь на Красное море... Ах, какие там египтёлки! Спереди, сзади – не то, что мои: посмотреть не на что!», – в этих раздумьях Толик слегка вздремнул.

Из-за шторы проклюнулся ненакрашенный рот Воблика. Вот уже десять минут она не могла застегнуть платье.

– Поничка, загляни ко мне, а?

– Хочешь еще раз меня травмировать? – Понькин осторожно приоткрыл штору. С голой спиной Викторина была аппетитна, как свадебный торт из начала их семейной жизни.

– Кто здесь? – Толик распахнул глаза и насторожился. – Мама?!

– Ну, какая мама?! Бедный Толян... совсем очумел! – последнюю фразу Понькин адресовал Вобликовой, и та одобрительно покачала головой. Затем Понькин застегнул молнию и отворил занавеску. – Готово!

Перед Толиковым взором явилось настоящее чудо: то ли красавица с побережья из двухминутной спячки, то ли новая модель с нестандартными размерами груди и бедер... Девушка-пышка была так хороша и так похожа на Софи Даль, что у Толика в голове тут же отпечатались целая фотосессия.

– Викторина Вобликова! – скомандовал Понькин, и бывшая жена беззвучно вышла на свет. Она была босиком.

– Кто вы?! – Кроликов сделал проверяющий жест рукой.

Вобликова подняла подбородок, прошлась вокруг стола и присела в книксен.

– Я – Викторина. А вы?

– Анатолий. Кроликов Анатолий Сергеевич, – от неожиданности Толик совсем растерялся. Помимо всего прочего его изумило странное имя девицы. – А Викторина – это...

– Викторина – это ребус. Перед нами – женщина-загадка. Я бы даже сказал – шарада. – Понькин был доволен собой и бывшей женой. Как ни странно, ему нравилось, что Кроликов охренел от Воблика.

– Точно! – главный улыбнулся и, кажется, первый раз за целый день расслабился. – Слушай, Поня! Это же то, что нам нужно! – Кроликов взметнулся и облетел Вобликову. – Ну, надо же! Нам крупно повезло! Потрясающий свадебный наряд! И непременно босиком!

Вобликова не стала дослушивать, почему именно кому-то повезло, и скрылась за занавеской.

– Поня, дорогой, где ты ее откопал? – Толик сиял всеми лучами спектра, как неисправный монитор.

– Господи, я же тебе говорил: это жена моя бывшая.

– Бывшая?! – Толик схватил Понькина за руку и потащил на балкон. – Да ты что! Не может быть! Это ты, значит, женился и никому ничего не сказал? А потом развелся – и я опять ничего не знаю?! – Кроликов закусил губу.

– Толик, успокойся! Это было три года назад. Я тогда здесь вообще не работал!

– Ах, вот оно что! То-то я думаю... – Кроликов и вправду о чем-то задумался. – Я думаю, предложить ей для начала тысяч сорок. Не мало, как ты считаешь? – Толик прикидывал, сколько на Вобликовой можно заработать, чтобы в последствии платить больше.

– Чего-чего?! Ты хочешь, чтобы Воблик дефилировала в твоих туалетах?! – Понькин истерично заржал.

– А что такого-то? Каждая девушка мечтает быть либо актрисой, либо моделью. Кстати, Поня! Твоя Викторина случайно не актриса?

Понькин сгубался пополам от смеха и готов был обрушиться с третьего этажа.

– Нет, ну ты объясни! – Кроликов не понимал юмора.

– Ой, Толик! Нет, Вобликова не актриса. Она – режиссер! – Понькин вытер слезы бархатной тряпчочкой, случайно оказавшейся рядом.

– Кто?!

– Режиссер.

– Она – что, снимает кино? – Толик надел очки.

– Пока нет. Но очень мечтает. Хотя, если честно, это в дипломе она режиссер, а так – обыкновенный редактор. Подрабатывает вычитыванием корректур. Правда в последнее время что-то у нее там не клеится, вроде собирается увольняться. – Понькин присел на корточки.

– Любопытно...

В балконных дверях нарисовалась улыбка Воблика.

– Простите, пожалуйста, – обратилась она к Толику. – Поничка, милый, помоги мне плиз! Я опять застряла. Желательно побыстрее, а то у меня «цигель-цигель, ай-лю-лю» – встреча срывается.

Понькин вышел вслед за Викториной.

«Красивая девушка, может, назначить ей свидание? – думал Кроликов. – А если она откажется? Интересно, по какой причине они расстались? Наверное, у нее куча поклонников...». Пока Толик предавался размышлизмам, Вобликова спустилась вниз и с улицы помахала рукой.

– Викторина! – заорал Кроликов, – одну минуту! – главный кутюрье летел по салону, опрокидывая стулья и наступая на ноги персоналу. – Подождите! – но Вобликова прыгнула в маршрутку и укатила вместе со своим платьем...

Подруга Викторины Лика Филюрина была девушкой, не лишенной затей и фантазий, но чувством меры, к сожалению, не обладала. Поэтому на встречу у метро «Девяткино» явилась в облегающей вязаной шапочке в дырочку и отдельных фетровых полях, которые надевались

сверху. Вместе все это составляло дамскую шляпку – но исключительно в представлении самой хозяйки, которая считала, что отлично разбирается в головных уборах. Кроме того, на Лике было множество мелких и крупных бантиков – начиная от сумочки и заканчивая плащом. В довершение ко всему, у Ликерии болел зуб, и она потихоньку стонала:

– Воблик, ты свинья! Ты опоздала на целый час!

Вобликовой было стыдно, но, посмотрев на Лику, она начала гоготать.

– Нет, ну это ж надо, а? Я тут замерзаю, она ржет! – подруга была явно обижена. Впрочем, в этом состоянии она пребывала бессрочно. Лика считала, что раз уж природа обделила ее красотой и мозгами, все окружающие ей должны. Такая своеобразная философия Вобликовой не нравилась, но переделывать Лику не было ни сил, ни желания.

– Лика, милая, ну прости меня! – Вобликова погладила подругу по фетровым полям. – Ой, а что с нашим зубиком?

– Нерв удалили, сейчас уже лучше, – захлопала Лика, прикрывая ладошкой опухшую щеку.

– Значит, теперь у тебя зуб мертвый, но здоровый!

– Ай, как смешно! – Лика затолкала в рот половинку анальгина. – Кончай стебаться, платье гони! – Филюрина собиралась на вечеринку и замышляла покупку экстравагантного туалета. Викторина стояла номером один в числе продавщиц.

– Ну, а если оно тебе не понравится? Или не подойдет? Будет плохо смотреться? – начала Воблик, но Лика ее успокоила:

– Не переживай! На тебе – нормаль, стало быть, и на мне хорошо будет! Сколько? – Лика достала кошелек.

– Десять тысяч.

– Сколько?! – у Ликерии расправились морщинки на лбу, изо рта выпала таблетка.

– Ну, я же сказала: уйду с работы. А если не хочешь – дело твое. В любом случае, я его продаю. Только вот не могу понять: если оно тебе на один вечер, зачем покупать?! Давай ты его просто возьмешь, а после гулянки вернешь обратно. А я за это время подыщу покупателя: глядишь, подороже продам.

– Понятно! То есть, ты считаешь, что это последняя вечеринка в моей жизни, да? Значит, больше меня никто никуда не позовет? Так по-твоему? – Лика отвернулась и продолжала говорить в стену. – Ты жестокая! Вы все жестокие!

– Да нет же, нет! Я вовсе не это имела в виду! – Викторина жалела подругу. Ее нестроенность была прогрессирующей, но говорить об этом запрещалось. – Конечно, ты будешь ходить и в гости, и в клубы, и на свадьбы...

– Ты что, издеваешься?! Нет, ты просто специально говоришь гадости! Знаешь, кто ты после этого? – Лика позеленела и тявкнула. – Ты ядовитая фурия, ты неудачница! Окололитературная шваль! Вякаешь своим меццо-сопрано всякую хрень. И характер у тебя мерзкий, даже Понькин от тебя сбежал! – Лика резко повернулась, фетровые поля съехали набок.

– Ах, вот оно что! Забирай свое одеяние и вали отсюда! – Вобликова швырнула пакет к Ликиным ногам. Она очень разозлилась и собиралась доконать подругу на месте. – Чего уставилась? Беги, надевай! И не забудь поинтересоваться у своей обожаемой Гиппиусихи, как ты сегодня выглядишь!

Эта фраза была, несомненно, лишней. Все знали, что Лика помешалась на Зинаиде Гиппиус, ее портрет висел у изголовья Ликиной койки, и Лика считала себя представителем поэтессы на Земле.

– Идиотка! Мне на твою физиономию смотреть тошно, – гремела Лика. – А хочешь, скажу почему? Потому что у тебя просто лицо, а у нее – лицо с результатом! И ты ей завидуешь! – на этих словах Лика вытащила деньги, сунула в карман Вобликовой, и потопала к себе в Лаврики. Пешком, в знак протеста.

«Коза полоумная! Ну и фиг с тобой! Раз ты такая сука, нажрусь с горя!», – думала Вобликова, заворачивая в кафе.

– Мне, пожалуйста, сто водки, апельсиновый сок и салат «Московский», – распорядилась она, и ровно через две минуты кукурузная блондинка тащила поднос. – Вот вам на чай! – Викторина была щедра, особенно в период крайней душевной тяжести.

– Не откажусь, – пробасила короткая юбка в полупереднике. – Зовите, если понадобится! Вобликова сидела, рисовала на салфетках, пила и размышляла о своей никчемной жизни. Временами она подымалась и заказывала музыку, под которую танцевала одна. Остальные посетители (особенно дамы) взирали на нее, как на отстойную дуру, которая выеживается перед мужиками. Перед *их* мужиками.

А между тем, на улице темнело, блондинка подходила четвертый раз, и Вобликова уже собиралась откланяться, заплатив последние сто рублей. И тут за ее спиной, как пионер среди капитализма, вырос благоухающий Кроликов. Она узнала его по дорогом «Армани», запах которого не выносила с детства.

– Надо же, Викторина! Какая встреча! – Кроликов сел напротив. – Вы тоже любите это кафе? – Ненавижу! Я здесь первый и последний раз. Все деньги просадила. Музыка – дрянь, никто не танцует, официантка жалеет железные конфеты: прошу пять – она приносит три. Все, я ухожу! – Вобликова попыталась встать, но Толик усадил ее обратно.

– Разве вы торопитесь?

– Тороплюсь. Мне на работу к восьми.

– Неужели? А мне говорили, что вы безработная. – Толик состряпал невинную физию и приготовился по ней получить.

– Это кто вам такое сказал?! – Вобликова еще раз попыталась встать, но теперь усадилась сама. Все-таки изрядное количество алкоголя повлияло не только на мозг.

– Послушайте, Вика! Можно мне вас так называть? Вы не подумайте: имя у вас замечательное, просто для разговорной речи слишком длинное... – Кроликов не знал, с чего начать, и пытался тянуть время.

– Валяйте! – Викторина кивнула и оказалась носом в тарелке. Хорошо, что тарелка была чистой. – Я сегодня птичка! Почти ничего не ела, только пила! Я птичка-истеричка! – Вобликова заржала и чуть не свалилась под стол.

– Да! «День проходил, как всегда: в сумасшествии тихом...» – Толик обдумывал дальнейший план. Женщина-ребус почти засыпала. – Знаете что! Давайте-ка я отвезу вас домой. Вы где живете?

– Я в вашей помощи не нуждаюсь. Сама дойду!

– Ну, уж нет! – Кроликов встал, расплатился, оторвал Воблика от стула и потащил на улицу.

– А вы, значит, правильный такой, да? – Вобликова почти не сопротивлялась, но говорила громко, на них обращали внимание. – У, какая тачка! Это ваша?

Кроликов открыл дверь и впихнул ребус на заднее сидение. На полу валялся пакет, из него торчала банка «Балтики 0» и «Сукразит».

– Ясно! Пиво безалкогольное и заменитель сахара! Вы, наверное, и кофе без кофеина пьете? Скажите, а елка на Новый год у вас тоже искусственная? Искусственная елка и надувная телка! – Вобликова растянулась, не дождавшись комментария.

Толик уселся за руль, вытащил лист из кожаной папки, и начал писать. Месседж был адресован Викторине. Он представлял собой некое воззвание бросить все, и немедленно приступить к дефилированию в «Доме моделей». Предложение было заманчивым – хотя бы с точки зрения оплаты труда: никому из своих моделей Кроликов столько не предлагал. Завершив послание, Толик свернул листок и положил Викторине в карман.

Утро следующего дня Вобликова встретила в «Доме моделей». Целомудренный Толик довез ее до квартиры по месту прописки, но ключей не обнаружил. Бывший супруг Понькин, поднятый по сигналу мобильного, адрес подтвердил, но ключей все равно не наблюдалось – ни в сумочке, ни под ковриком. Загадочную женщину пришлось вторично заталкивать в автомобиль, вести через весь город, и после долгих объяснений, укладывать прямо в кабинете кутюрье. Конечно же, Толик с удовольствием предложил бы ей домашние тапочки,

но в соседней комнате проживала мама! Короче, проснулась Викторина в полнейшем недоумении. На спинке дивана висел прищипленный лист с номером телефона. Викторина набрала эти цифры и услышала голос Толика.

– Доброе утро, Вика! Вы прочли мою записку?

– Вы пишите молоком? – у Вобликовой раскалывалась башка, в эту минуту все ее мысли были о молоке.

– Молоком? Вы хотите молока?

– Откуда вы знаете? – Викторина напряглась.

– Не волнуйтесь, телепатия – не мой профиль, и так все понятно. Сейчас я к вам зайду. – Кроликов повесил трубку.

Викторина стремительно впрыгнула в джинсы и успела намазать верхнюю губу. Дверь отворилась, на пороге стоял Кроликов с деревянным подносом. Под бумажной салфеткой возвышался стакан. Рядом благоухала свежайшая булочка.

– Ап! – Толик откинул салфетку. – Пожалуйста!

– Спасибо! – Викторина прилипла к стакану и выпила весь. – Вообще-то под фразой «пишете молоком» я подразумевала иное. Нет, за мое спасение – отдельное мерси, просто в вашей записке ничего, кроме телефона, я не увидела. Поэтому подумала, что вы, как Ленин в тюрьме – молоком писали.

Кроликов подошел к дивану, отщипил записку, повертел в руках и многозначительно посмотрел на Вику.

– М-да, действительно... Все слова неожиданным образом куда-то исчезли... Давайте подумаем, где они могут быть! – Кроликов на полном серьезе начал обыскивать кабинет: заглянул под стол, потом в шкаф, затем посмотрел в цветочном горшке и на книжной полке – слов не обнаружилось.

– Я не совсем понимаю, что вы ищете, но делаете вы это прикольно! – Викторина начала хихикать. Толик крутанул офисное кресло, щелкнул двумя пальцами и, наконец, изрек:

– В кармане! У вас в левом кармане!

Вобликова полезла в карман и выудила лист, сложенный вчетверо. Дешевый фокус ее умилил. Пробежав листок по диагонали, она подняла изумленные глаза и уставилась на притихшего Толика.

– Что это?! – Вобликова села на диван.

– Предложение о сотрудничестве. Только, умоляю, подумайте! Не отказывайтесь сразу! – Кроликов снял и опять надел куртку.

– Жест! И вы думаете, что я соглашусь? – вид у Воблика был царственный, как у Ахматовой на портрете Альтмана – отрешенный и чуть высокомерный.

– Давайте так... – «Господи, как?!» – Мысли покинули Толика, он заранее расстроился, стал заикаться и рассуждать пантомимой, дергая руками перед Викиным носом. – Я отвезу вас домой, вы еще раз прочтете мою записку, взвесите...

– А зачем мне читать вашу записку? Тем более еще раз? И вообще: я не понимаю сути эпистолярных отношений: вы что – так сказать не можете? – на самом деле, Викторина редко перебивала людей, но бесконечные руки Кроликова у ее лица сильно напрягали.

И, правда: почему Толя Кроликов не мог объяснить словами то, что было изложено на мятом вчерашнем листе? Все очень просто: во-первых, от естества своего и фамилии был он застенчив и робок, а во-вторых – со своими подчиненными Толик привык общаться исключительно приказами на бумаге, которые, впрочем, составляла его секретарь. Зато он их подписывал и перечитывал по три раза.

– Я художник. Привык работать карандашом на бумаге... Но если вам что-то неясно, могу расшифровать.

– Не утруждайтесь. Все понятно. Я домой. – Викторина направилась к выходу.

– А как же вы туда попадете? У вас же ключей нет!

– Мои ключи у соседки. Она инвалид и всегда дома. Счастливо!

Самочувствие Толика было приближено к состоянию Великого Комбинатора, когда его попросили покинуть аукцион. Даже походка сделалась, как у актера Гомиашвили. В отчаянии Кроликов раскрыл принесенную булочку и стряхнул крошки на дорогой ковролин...

Тем временем, Викторина Вобликова добралась до квартиры, накормила охреневшего кота, и завалилась на кровать с телефоном. Первая мысль была позвонить Лике и утрясти отношения. «И зачем я на нее наорала?» – подумала Воблик и приготовилась снять трубку. Но телефон неожиданно зазвонил. Бойкий голос секретаря редакции, где Вика пока что работала, сообщил, что приказом от вчерашнего дня она уволена. За прогул.

– Благая весть, однако! Наши с начальством желания абсолютно совпали! Мы не нуждаемся друг в друге. Какое счастье! – эту фразу Викторина адресовала зевнувшему коту. Пока он разевал пасть, Вика успела положить туда свой палец. Котик закрыл рот и очень удивился. Потом сочувственно потерся у ног и направился к холодильнику. В холодильнике было пусто.

– Что ж, обрадую госпожу Филюрину! – Викторина трижды набрала домашний и мобильный Лики, но Лика была недоступна.

Теперь надо было подумать о дальнейшем существовании в материальном мире. Но этим Викторина решила заняться после душа. «Наверное, пойду просить подаяние у статуй, чтобы приучить себя к отказам... А, может, позвонить папе? – размышляла она, намыливая уши, – и что я ему скажу? Меня уволили, дай денег? Глупо. Придется продавать бывшее орудие труда – мой славный ноут «Hewlett Packard». На первое время хватит».

«Ку-ку», – дверной звонок прокуковал дважды. Викторина быстро оделась и вышла в коридор.

– Кто там? – поинтересовалась она и услышала Толика.

– Это Кроликов. Вика, откройте, мне нужно с вами поговорить...

– Хорошенькое дело! А почему без звонка? – Вобликова посмотрела в замочную скважину, поскольку глазок на двери заклеила субкультурная молодежь.

– Я звоню вам уже полтора часа, вы трубку не берете! – пожаловался Толик.

Викторина не поленилась сходить в комнату, взять телефон и посмотреть входящие. Кроликовских было восемь штук.

– Ладно, только в темпе, а то у меня по расписанию медитация, – сказала она и попыталась открыть дверь. Дверь не поддавалась.

– Что-то случилось? – Кроликов услышал щелканье замка и припал к дверному косяку.

– Случилось. Дверь открыть не могу. Замок сломался! – Вобликова стукнула кулаком в районе Толикового уха. Толик отринул.

– Ай! Может, вам показалось? Попробуйте еще раз!

Вика крутанула замок, но стало еще хуже: в нем что-то лязгнуло, и, кажется, отвалилось.

– Давайте, я попробую открыть вас снаружи! – у Толика появилась надежда лицезреть Воблика.

– Как?!

– Очень просто. Я встану под вашими окнами, и вы сбросите мне ключи! – Толик поскакал во двор, даже не спросив, где находятся эти самые окна. Хорошо, что проблема удаленной коммуникации в наше время уже решена: Вика руководила Толиком посредством мобильных телесистем.

– Супер! Сейчас я вас отворю! – Толик вставил ключ, повернул и... ничего не произошло. – Не отчаивайтесь! Я позову слесаря! Где у вас ЖЭК?

– Толик, Толик, успокойтесь! Я сама. – Викторина открыла блокнот с надписью «SOS» и на третьей странице после пожарной, скорой и ЛенГаз, нашла пресловутого слесаря. Набрала номер и сообщила адрес.

Меж тем прошел час. Толик по-прежнему дежурил у двери. Вика лежала на полу, но медитировать не получалось. Получалось наоборот – мыслить вслух:

– Вышла вчера на Маяковской, поднялась по эскалатору, смотрю – люди стоят, ждут друг друга: кто-то книжку листает, кто-то смс пишет, а кто-то уже встретился и цветы дарит. А меня никто не ждет. Ни в метро, ни на улице, ни у левой ноги Маяковского... Меня не ждут даже на работе. Может, это старость? Или все-таки одиночество? Я живу в нелюбви и постоянном чужом крике. На меня орут даже вороны. А еще продавщицы в супермаркетах. Наверное, они чувствуют, что я ненавижу магазины, где шоколад приклеен к носкам. Но, на самом деле, я просто теряюсь среди макаронных изделий, трусов и тетрадей. Мне и есть-то не хочется, для кота беру... Вы меня слышите?

– Слышу. Откройте почту, я отправил вам сообщение.

– Ах, Толик, Толик! Я уже с ума схожу от печатного слова, а вы опять вынуждаете меня читать... Ладно, все равно делать нечего! – Вика шуганула кота, дремавшего на компе, протерла полосатым носком экран, включила Outlook и увидела:

 From: Анатолий Кроликов
 To: voblik@mail.ru
 Subject: ...
 Вика, я люблю тебя!
 Моя ася: 28504937

Пока загружалась ICQ, Воблик переваривала текст и тему письма. Тема ей показалась масштабной. «Там, где нечего сказать, ставят многоточие», – выплеснул мозг стишок из школьной программы.

Voblik: спасибо, я тронута...

Tolyan: Вика, мое предложение остается в силе. Давай вместе работать!

Voblik: Толик, ну какая работа?! Какая из меня модель?! Я же толстая!

Tolyan: ты не толстая, ты глупая :) Ты самая лучшая модель! Ты мне нравишься...

Voblik: о-о-о!

Tolyan: не тормози, соглашайся! А то животное кормить не чем будет :))))))

Voblik: м-да, действительно... а твое предложение сугубо деловое?

Tolyan: нет, оно личное. Хочу на тебе жениться :))))))))

Voblik: спасибо, я уже была замужем

Tolyan: за кем? за Поней?

Voblik: ну да!

Tolyan: и он тебя любил?

Voblik: наверное... мы жили три года, потом он увлекся моей сестрой. Это было очень смешно!

Tolyan: а мне твоя сестра не нужна!

Voblik: вот счастье-то! :)))))) Теперь это не имеет значения. Сестра в Америке вместе с мамой

Tolyan: а ты почему не уехала?

Tolyan: эй, Voblik, ты где?!

– Викторина! – заорал Кроликов, – почему ты вышла из аськи?!

Воблик подошла к двери.

– У меня батарейка в ноуте села, а шнур затерялся, извини. И вообще: нужно щелкать не мышкой, а книжкой! Пойду Виана читать.

– А замуж за меня пойдешь?

– Конечно! Я усыновлю ваш «Пассат» и удочерю вашу дачу! – Вобликова перебралась на диван и набрала Толика.

– Толик, а вы консерватор!

– Почему?!

– Потому что у вас на входящем стандартная мелодия. – Вика попыталась воспроизвести сонату Бетховена, но получилось коряво. – Толик, ступайте домой, уже поздно. Позвоните мне завтра в одиннадцать, обещаю, что приму решение.

– Мы опять на «вы»? Ах, Вика, Вика! И после этого ты называешь меня консерватором...

– «Ты» – это предельная степень близости. Я не готова. Может быть, завтра.

– Хорошо. Тогда до завтра!

Было слышно, как Толик спускается вниз по чугунным ступеням, и как его плащ задевает изящные перила старинной лестницы. А вот если бы он поднимался с закрытыми глазами по этим ступеням, он мог бы вообще никогда не дойти до верха и не увидеть Воблика... Так гласит местная легенда дома на Гороховой...

Одинокие девушки быстро тупеют, стареют и сходят с ума. Вобликова, миновав первые две стадии, шла к заключительному этапу со скоростью гоночного автомобиля на финише «Формулы-1». Она совершала глупость за глупостью, и если бы в мире существовали состязания по абсурдности идей и деяний, она заняла бы почетное второе место. Потому что первое все равно досталось бы Лике Филюриной. Кроме того, Воблик всегда восхищалась людьми, у которых все, как у людей. Ей тоже хотелось иметь семью, альбом с фотографиями, чистые полы, хранить письма, ностальгировать по лучшим временам и ничего не выбрасывать. В тайне она надеялась, что когда-нибудь так и будет, но пока не получалось. А поскольку Воблик была оптимисткой и верила, что от любого одурения всегда найдется противодурие, и уйти откуда пришла никогда не поздно, она решила принять деловую сторону предложения прямо сейчас. Потому что ничего не бывает потом. Тем более что перспектив все равно не было. Утром она поднялась по привычке в шесть-тридцать и принялась ждать звонка. Ровно в одиннадцать Толик позвонил и монологом на десять минут сообщил, что сегодня ночью ему был знак – жениться на Воблике вне зависимости от ее желаний, закрытых дверей и прочих медитаций.

– Очень странный сон, Вика! Будто бы я сижу у тебя в подъезде, смотрю на ротонду, и вижу тень от седьмой колонны!

– Да, это бывает...

– Бывает?! Но ведь их шесть!

– Не обращай внимания, это дом с тобой шутит! – Вика засмеялась и насыпала котикую двойную порцию Хилса. – В следующий раз, когда будешь стоять напротив моей двери, попробуй что-нибудь прошептать.

– И что?

– Ничего. Твой голос пролетит по своду и вернется к тебе со спины. Редкое ощущение: как будто бы ты сам себе прошептал на ухо.

– Интересно... А ты пробовала?

– Конечно! – Воблик подошла к зеркалу, ее глаза стали серьезными. – В общем, так! Вместе работать я согласна, а вот замуж – пока думаю.

– Думай. Только быстрее. – От волнения Кроликов успел вспотеть и замерзнуть практически одновременно. – Сегодня в «Манеже» открытие выставки нонконформистов, у меня приглашение. Заеду за тобой в три.

– Сопровождать кутюрье в тусовке непризнанных гениев – моя должностная обязанность? – Вика открыла шкаф и начала перелистывать вещи.

– Почему непризнанных? Это известные художники, картины их давно продаются, в том числе и на западе... Ты не любишь современную живопись?

– Люблю. Даже очень. – Вобликова встала на стул, потянула за юбку, юбка слегка треснула.

– Бля!

– Что-что?

– Митьков, говорю, люблю и Арефьевский круг!

– Да-да, я тоже! – Кроликов посмотрел на часы и на вошедшую маму. – Прости, пожалуйста, у меня совещание, после договорим, ладно?

– Очхор, я тоже бегу. Чао!

Вика достала шкатулку с цветными нитками – подарок Понькина в день свадьбы – и приготовилась зашивать искалеченную юбку. Но дальше желания не пошло. Уколовшись

трижды, она вспомнила, почему мама не отдала ее в кружок «Умелые руки». Видимо, руки росли из того же места, откуда и ноги. Наверное, это была одна из причин, по которой Вика вышла за Понькина. Тем более что в самом начале их отношений Понькин выиграл какой-то международный пошивочный конкурс и был «на коне». На сей биографический факт западают практически все особи женского пола, и Воблик со своим повышенным айкью не стала исключением. Вике казалось, что ее голова и руки закройщика наконец-то нашли друг друга, но... время шло, и единственное, чему она научилась – разводить руками вполне равнодушно.

«Ку-ку», – дверь поманила хозяйку заглянуть в будущее сквозь новую замочную скважину. В будущем было темно и пусто. Зато эхо каблуков инкогнито висело между сводчатым потолком и ступенями вполне отчетливо. Вика открыла дверь и увидела знакомый пакетик с проданным платьем. «И все-таки не подошло! – подумала она и отправилась одеваться. – Очень кстати, а то пришлось бы по-богемному, в джинсах. Хотя кого теперь удивишь рваными джинсами? Ах, Лика, Лика... Где ты, милая?»

А между тем, милая Лика находилась здесь же, на выставке достижений художников-нонконформистов за прошедший год. Заголовок «Отчетно-годовая» в огромном каталоге неподъемного вида напоминал плакат съезда партии 70-х. Войдя в просторный зал «Манежа», Викторина услышала целую лекцию о несчастных художниках, загнанных советской властью и воскресших благодаря сегодняшней демократии. Единственное, о чем тетенька-искусствовед умолчала, так это всё о той же невостребованности, но теперь уже в новых условиях – повальной свободы и суеты.

– Лика! – голос за спиной показался знакомым, Воблик обернулась. В трех шагах от нее стоял отец.

– Папа?! Как ты сюда попал?! – конечно, Викторина понимала, что помощник кинооператора Иван Тимофеевич Вобликов присутствует на выставке не просто так, но другого вопроса пока не нашлось.

– Я... я... – папа замялся, но тут же вспомнил, что прибыл в составе съемочной группы. – Мы кино про выставку делаем.

– Да? Здорово! А ты искал какую-то Лику?

– Какую Лику? – Иван Тимофеевич покраснел.

– Да, ладно, пап, я уже не девочка, всё понимаю! – Вика задорно посмотрела на пожилого отца, и в эту минуту ей стало как-то особенно жаль его.

– Не сердись, доча, просто твое платье очень похоже на то, которое носит моя... невеста. – Папа покраснел еще гуще и нарочито оглянулся в поисках новобрачной.

– Ты что-то путаешь. Это платье существует в единственном экземпляре, понимаешь? Это Понькина авторская модель, пап! Ну, ты вспомни: я ж в нем замуж выходила! – Вика пыталась донести до отца главную мысль неповторимости своего гардероба, но папа ее не слушал. Он искал некую Лику в ложе поклонников современной живописи. Но Лика не находилась. Зато появился Кроликов, которого Вика тут же отрекламировала, как нового шефа.

– Ты что, уволилась из издательства? Почему? – папа искренне удивился.

– Зарплата маленькая. Модель получает в десять раз больше.

– Модель?! – Папины прямые волосы завились в кудряшки, он пристально посмотрел на дочь. Даже в самых эротических снах он не мог вообразить Викторину голой на подиуме.

– Господи, папа, ну почему сразу голой?! – Вика почти обиделась.

– Иван Тимофеевич, – вмешался Кроликов, – моя профессия – одевать девушек, а не раздевать.

– Да-да, понимаю. Но это всего лишь игра слов. Если я вам скажу, что моя профессия – снимать девушек, вы ведь не подумаете ничего дурного? – папа прищурил левый глаз и стал похож на Воланда без пенсне.

– Вы фотограф?

– Я кинооператор. – Папа слегка наклонил голову. – Однако, пора! – Иван Тимофеевич намеревался покинуть компанию, дабы избежать лишних разговоров на случай внезапного появления Лики. Он взял под козырек, повернулся, но... отходить было поздно. Как двойка среди пятерок в дневнике образцовой смолянки, из-за угла неожиданно выросла Лика. Она медленно подплывала к папе, тряся огромным перьевым кринолином. Папа обреченно вздохнул:

– Вот... рекомендую, – обратился он к Воблику, – это Лика. А это...

– Мы знакомы, папа. – Викторина мягко улыбнулась. – Разве что Анатолий Сергеевич... Толя, это Лика, моя подруга.

Лика и Кроликов долго трясли друг другу руки, а папа изо всех сил старался сгладить ситуацию.

– Мы, пожалуй, пойдем, да, Ликусик? – Иван Тимофеевич выдрал из кринолина два пера, но Лика стояла, как прищипленная. Ее сумочка из птичьих лапок слегка подрагивала.

– Тимофеич! – простуженный голос заставил всех посмотреть наверх. На стреле специального крана сидел кинооператор Даня Щеглов с перевязанным горлом, и жестами показывал своему помощнику занять рабочее место на площадке. Данин болезненный вид усугублялся нескрываемым отвращением к мероприятию и к подручному Ивану Тимофеевичу.

– Да-да, я никуда не ушел, я здесь! Я весь в движении! Я даже пиво принес! – Иван Тимофеевич вынул из кармана бутылку и потряс над головой. – Лика, встретимся через час! – папа взлетел на второй этаж, его кепка осталась лежать на ступенях...

Вика молча обошла Филюрину вокруг юбки, ухмыльнулась, водружая руку на ее плечо. Она не была сентиментальна, хотя десять минут назад жалела отца, она не была зла, хотя сутками ранее проклинала подругу и наквасилась из-за их бессмысленной ссоры – она была холодна. И Ликино тело это сразу почувствовало... Викторина помнила Лику двенадцатилетней девочкой с косой до подколенок, с глазами, как циферблат ее первых наручных часов, с мечтами о покорении мира. А сейчас Вика смотрела на любовницу Ивана Тимофеевича – девушку в страусиных перьях из Мюзик-холла – как на одиозную шлюху. Воблик искала те самые большие глаза и не могла поверить, что их нет. Вернее, они были – но под таким слоем грима, что разглядеть их мог только окулист. Хотя, с возрастом глаза у людей становятся меньше...

– Ты можешь говорить? – Викторина смахнула слезу с Филюринских подведенных очей.

– Могу.

– Анатолий Сергеевич, – Вика обратилась к Толику, – мы вас покидаем... Во сколько начинается мое трудовое утро? Момент, я запишу. – Воблик достала телефон, чтобы выставить будильник.

– Вообще-то, в десять. Я придумал новую коллекцию. Но, если хочешь прийти позже...

– Поблажки авансом в данном случае не уместны. Я пока что их не заработала! Если тебе не сложно, передай папе, что Лика ушла со мной, хорошо? До завтра! – девушки потопали в гардероб, потом в туалет, где Лика с трудом сбросила перья и смыла забойный макияж.

– Ну, и где же вы познакомились? Ах, да! Это было двадцать лет назад, когда папа ходил на родительские собрания, а ты – звеньевая Филюрина – оставалась дежурить! Ты надевала синие нарукавники и так эротично махала шваброй, что папа влюбился в тебя с первого взгляда! Иван Тимофеевич вытирал твой сопливый нос и угощал карамелькой. – Воблик старалась сохранять соол, для этого она считала до семи прежде, чем произнести следующую фразу.

– Я не помню, где мы познакомились. А вот где встретились, рассказать могу. Если тебе это интересно. Хотя... ты ведь не слишком интересуешься жизнью отца, правда? – Лика решила не поддаваться на провокации и удерживать линию Маннергейма до последнего.

Сцена в туалете сильно затягивалась. «Только капля за каплей из крана вода», – пропел чей-то мобильный под аккомпанемент сливного бочка. Это было актуально. Викторина сосчитала до тридцати. За эти полминуты она поняла, что конфликтовать бессмысленно, лучше послушать лав стори, тем более что один человек все-таки родственник. Вдобавок ко всему, с тех пор, как мать переехала в Америку, они с отцом сильно не совпадали.

– Я занимаюсь йогой, – Лика многозначительно посмотрела на Воблика. – Ты имеешь представления о йоге?

– Допустим. И что?

– А то, что йога – это не фитнес. Это философия. – Ликины зрачки расширились. Вспоминая о йоге, она впадала в транс. – С Иваном Тимофеевичем мы познакомились на занятиях по раскрытию энергетических центров. Он пришел к нам из группы для начинающих, потому что сдал экзамены досрочно. Он уже овладел аналитической медитацией и теперь приступал к изучению шаматхи. В этой практике используется один объект, на котором ученики фокусируют внимание. Может, Иван Тимофеевич сфокусировался на мне? Не знаю, но так или иначе, во время занятия у меня вдруг открылась Аджна, и я поняла, что люблю этого человека.

– Что у тебя открылось?! – к своему стыду гуманитарная Воблик не знала слова Аджна.

– Третий глаз. Это все, что тебя удивило? – Филюрина потрясла руками, наклонилась, ее зрачки снова сосредоточились на Вике.

– Нет, не все. Меня удивило, что папа всем этим занимается. С тобой-то ясно, но папа...

– Твой папа гений! – Лика вытащила бриаровую трубку, большие каминные спички и закурила.

– Да? И в чем же его гениальность?

– Он вылечил меня от головной боли с помощью обыкновенной шпильки для волос. Он прекрасно танцует босиком. И вообще, он меня любит!

– А меня? – вопрос растворился в табачном дыму Филюринской трубки.

«А меня любят только комары. И то не всегда», – подумала Воблик, прихлопывая самку кровопийцы на левом плече. Ей тоже хотелось энергетических танцев, шпилек для волос и чтобы периодически открывалась Аджна. Но она была режиссером (в душе), поэтому целиком состояла из команд и приказов, а не из их исполнений. «Левый полк налево, правый полк – направо!», – командовала она, и все мужики, с которыми Воблик знакомилась исключительно в зланных (богемных) местах Петербурга, разлетались в стороны, как вши от дегтярного мыла. Взрослые всегда говорили, что у нее папин характер. Теперь выяснялось, что это не так.

– Тебе когда последний раз ноги целовали? – Лика смотрела на Воблика, как на пациентку психиатрической клиники. – Не помнишь? Наверное, это было в детстве...

– Слушай, Филюрина, а не пойти ли тебе на...?

– Ой, как грубо! – Лика сплюнула в унитаз и открыла окно. – Я давно хотела тебе сказать: единственное, что нас объединяет – это твое прошлое и мое настоящее. Все остальное – фейк. Я ухожу.

– Сука! – на этом интеллектуальное общение исчерпалось. Лика удалилась в объятья Иван Тимофеевича, а Воблик осталась стоять у раскрытого окна в дамском туалете выставочного зала.

– Ты представляешь: они шли по улице, обнявшись, как подростки! Как тинэйджеры из моего подъезда. Он читал ей стихи, и они целовались! А ты знаешь, где была его рука?! В заднем кармане ее штанов! – Вика захлебывалась от эмоций. Она все еще не могла поверить, что папа и лучшая подруга пользуются одним душем, встают под один будильник и доедают друг за другом. Теперь получалось, что Лика ее мачеха. – Тьфу, чепуха какая! Ну, и фиг с ними! Пускай трахаются, если им так нравится. Что я могу?! Гори оно блином на сковородке! – подытожила Вика рассказ о романе отца и подруги.

– Вот именно! Чего убиваться-то?!

Собеседником Воблика был Понькин. Вот уже полчаса он выслушивал историю походов бывшего тестя, зевал, сопел и резал блестящий дюшес. В момент обостренного вдохновения Понькин переживал настоящий катарсис и чувствовал себя Демиургом шитья – эдаким скульптором мануфактуры. Волосы его были взъерошены, он прыгал вокруг стола, рвал свежескроенные выкройки и бубнил про себя чиберкину мантру. Временами он подскакивал к Воблику, прилаживая отдельные куски материи к ее необъятной груди.

– Не понимаю: почему вместо меня нельзя поставить манекен?! Я что – до вечера так стоять буду? – Вика проявляла недовольство и любопытство одновременно. – Это платье или юбка? Поня, не мучай меня, скажи хоть что-нибудь!

– Это не платье и, уж тем более, не юбка. Это сарафан. А стоять ты будешь до тех пор, пока я не пойму всего замысла, – руки Понькина бесцеремонно шарили по Викиной спине.

– А если ты никогда не поймешь замысла? Я вот думаю: это безвкусно или это авангард?

– Обижает! Я и безвкусно! Ты у меня конфеткой отсюда выйдешь! Дюшесом! – Понькин говорил с грузинским акцентом, причмокивая, как продавец на рынке.

– Я устала... Можно, я хоть присяду?

– Ни в коем случае! Ты все испортишь! – На всякий случай Понькин отодвинул кресло.

– Не могу! Пусть уж лучше платье будет мятым, чем ноги деревянными! – Воблик стихийно обрушилась на пол, модный сарафан подпрыгнул, и неоманекенщица сделалась вылитой «бабой на чайнике». Розовые щечки дополняли образ ватной старушки.

– О, Воблик, ты гений! Это самое то! Я вышью сарафан бисером, снизу отделаю кружевом, и ты станешь мечтой Бухинника!

– Почему Бухинника? Он что – делает платья в народном стиле? – Воблик покачивалась в такт говорящему радио и зевала.

– Он делает все! Слушай, если ты сейчас же не встанешь, я уколою тебя булавкой! – Понькин торопился закончить примерку, предвкушая перерыв: по случаю первого рабочего дня Викторины главный кутюрье заказал торт, и некоторые сотрудники уже от него отрезали...

– Кушать хочешь, так и скажи! – проницательная Воблик с трудом поднялась с паркета, и тут же уселась в кресло.

– С ума ты сошла! Мои выкройки! – Понькин забыл про торт, и начал силой выпихивать Воблика на середину комнаты. «Совсем, как раньше, – подумал он. – Когда семейная жизнь рисовалась бесконечным подиумом в разноцветных софитах».

В этот момент дверь открылась, в комнату заглянула Лика. От неожиданности Воблик вспорхнула с кресла и выпала из будущего сарафана.

– Сорри! У нас намечается съемка, но я подожду...

– У вас?! Ты записалась в помощники к Ивану Тимофеевичу? – Викино лицо выражало готовность позавтракать Ликой.

– Ты глупа, моя дорогая, но я тебя прощаю!

– Это я тебя прощаю. Мы тут с Понечкой посоветовались и решили, что не стоит мешать чужому счастью. В конце концов, мы ведь почти родственники. И потом: ты всего лишь звено в цепочке между отцом и мной! Считай, что ты меня удочерила.

– Пойду прогуляюсь. – Понькин протиснулся в дверь и тут же растворился. На его месте возник кинооператор Даня Щеглов с перевязанным горлом в сопровождении большой увесистой сумки. Сумка размещалась на плече Ивана Тимофеевича. Даня по-прежнему руководил, указывая жестами, куда поставить аппаратуру. Иван Тимофеевич смиренно выполнял команды, а сам Даня непрерывно тыкал в кнопки мобильного телефона. Как только он дозвонился, трубка перекочевала Иван Тимофеевичу.

– Алле! У нас почти все готово. Можно начинать. Что? Кофе? Хорошо, я сбегаю...

Через пятнадцать минут в комнате был выставлен свет, камера, монитор, а еще через две появился сам Кроликов. За ним подпрыгивала режиссерша Маша Манукян – коротенькая брюнетка с приклеенными ресницами. Маша пыталась что-то объяснить, но по причине низкого роста не достигала органов слуха кутюрье. Поэтому Толик практически ничего не слышал. Зато видел он отлично. Прямо по курсу простаивала Воблик. Кроликов просиял.

– Будем начинать! Девушки, у вас перерыв! – Манукян полуприкрыла глаза, давая понять, что Воблик и Лика здесь неуместны. Им пришлось выйти и терпеть друг друга за дверью...

За дверью Лика тут же отсоединилась от Воблика и направилась к зеркалу натягивать свои дурацкие фетровые поля.

– Да, здесь довольно прохладно, – Вика решила сострить.

– Здесь душно!

– Послушай, я много думала и пришла к выводу, что не стоит на вас обижаться. Наоборот – лучше поддержать. – Вика приготовилась выслушать благодарности в свой адрес.

– Поддержать? Поздно! Можешь радоваться: мы с твоим отцом больше не встречаемся!

– Да? С каких это пор? Ежели не ошибаюсь, сюда вы пришли вместе!

– Пришли вместе, а уйдем по одному! – Филюрина потянулась к двери, которая неожиданно запахнулась и саданула ее по тому месту, которое называется Аджна. За дверью стоял Понькин. – Бля, Поня! – стонала Лика, – ты охренел? Не видишь, куда идешь?!

– Как же я мог видеть, Ликуша?

– Идиот! Двери прозрачные не просто так, наверное? Господи, есть тут что-нибудь холодное?

– Конечно, я сейчас лед принесу! – Понькин выбежал в коридор.

Воблик подошла к Лике, обняла ее.

– Не надо, я сама! Никто никогда никуда для меня не бегал! Ненавижу, когда бегают! – опираясь на Вику, Филюрина двинулась к общественному холодильнику.

– Я понимаю, что очень больно, – начала Воблик, – но почему ты сказала, что с отцом не встречаешься? Он в курсе?

– Мне наплевать, в курсе он или нет. А причину я назвала.

– Видимо, я не расслышала...

– Потому что ненавижу мальчиков на побегушках! Я все всегда делаю сама и никого ни о чем не прошу. А этот Щеглов гоняет твоего отца, как подростка. А Иван Тимофеевич рад стараться! – Лика вытащила из холодильника лед, приложила к «третьему глазу», и он тут же потек...

– Но... это ведь его профессия. Помощник оператора называется.

– Помощник?! А мне он втирал, что чуть ли не режиссер! А ты знаешь, кто этот бессловесный Щеглов? Его ученик! Четыре года назад твой папочка принимал у него экзамен! А что теперь? Вчерашний студент руководит профессором!

– Ну, профессором, предположим, отец никогда не был...

– Значит, опять врал. И про то, что снимает кино – тоже.

– Нет, про кино он сказал правду, – Вике хотелось защитить отца.

– Да? А почему я его не видела? Подпольный порно-фильм? Впрочем, все это не имеет значения. – Лика выгребла из сумки платок и зеркало.

– Но ведь он любит тебя!

– Конечно! Первый раз меня по-настоящему оценили, и вот результат! – Филюрина инстинктивно показала на свой синяк между глаз, рванула дверь и отдалась дырявому пространству...

Вика растерянно моргала ей вслед и плакала. Было жаль отца, было жаль Филюрину, Поню, Кроликова и себя. Она пыталась сформулировать разницу между любовью и влюбленностью и понять, что происходит с Ликой. Первый вопрос оказался куда проще: «Любовь – подумала Вика, – это когда ты стоишь в глубокой луже по самый край резинового сапога, чувствуешь давление воды и знаешь, что защищен. А Филюрина... она идеалистка, рискующая остаться на старости лет вдвоем с Гиппиус». Мысль про одиночество сразу же напугала Вику, она вспомнила про Толика и поспешила в мастерскую кройщика. Съемка тем временем завершилась, Манукян и Кроликов смывали косметику. Маша отлепляла ресницы прямо перед выключенной камерой, Кроликов снимал грим у себя в кабинете.

- Можно? – Воблик вломилась в приемную кутюрье.
- Вика, куда ты пропала?! Я ищу тебя полчаса! – Кроликов присел на корточки у Викиных коленок, взял ее пухлые ручки и чмокнул каждую два раза. «Может, это и есть защищенность?» – в последнее время Вика много думала.
- Толик, – пискнула Воблик, – я выйду за тебя замуж. Сшей мне платье.
- Ого! Ты это серьезно?!
- Ага.
- Ничего себе! – Толик выпрямился. – А когда?
- Да хоть завтра.
- Завтра, наверное, не получится... В прошлом году мы расстались с моей первой женой, а развод еще не оформили.
- Прошлогодние жены меня не интересуют! – Воблик была категорична и удивлена своей решительности.
- Вика, давай послезавтра. – Толик прикидывал, сколько денег придется уплатить за моментальный развод и мамины лекарства.
- Хорошо. Тогда я пойду домой.
- Я отвезу?
- Нет, я сама. – Воблик надумала ехать прямо к Филюриной.

Ликина квартира напоминала послевоенный Ленинград: мебель в ней практически утратилась, зато пустоты компенсировались рваными шмотками, которые устилали пол невысокими горками. По этим горкам – бывшим свитерам и майкам – Лика скакала босиком, и, зная ее, можно было предположить, что она готовится к очередной инсталляции. Тем более что в комнате пахло сандаловыми палочками, и звучала музыка «Битлз».

- Почему пластинка, а не CD? – Воблик пыталась начать разговор с чего-то нейтрального.
- Потому что битрейт винила равен бесконечности! – Филюрина закурила трубку. – Ты пришла узнать, не сдохла ли я?
- Лика, ну что ты говоришь! – Воблик достала с полки тоненькую книжицу Гиппиус и принялась декламировать:
«Не осуждай меня, пойми:
Я не хочу тебя обидеть,
Но слишком больно ненавидеть, –
Я не умею жить с людьми».
- Не сори стихами! Чужими стихами! – Лика была зла.
- Я думала, тебе будет приятно услышать Зинаиду Николаевну...
- Она думала! – Лика перевернула пластинку. – Звонил твой отец.
- И что ты ему сказала?
- Ничего! Я не взяла трубку.
- Очень зря.
- Можно мне самой решать: зря или нет. – Ликино платье съехало с плеча, оголив свежую татуировку.
- Что это?! – Воблик открыла рот.
- Расписание пригородных электричек. Слушай, чего ты приперлась, а? Я тебя не приглашала!
- Я хотела узнать, не передумала ли ты в отношении Ивана Тимофеевича.
- Ну и как, узнала?
- Да, мне все ясно. – Воблик еще раз осмотрела комнату и собралась на выход.
- Твой отец безвольный и привязчивый, как Тригорин. – Лика подняла с пола свитер и надела поверх домашнего халата. – Ему шестьдесят, и он хочет жениться! А знаешь, почему? Потому что я его последняя надежда! Я всю жизнь была последняя, понимаешь?! В школьном журнале моя фамилия стояла в конце, в институте список группы заканчивался на

мне, и даже на занятиях йогой я сижу в последнем ряду. А ведь после «Ф» еще одиннадцать букв!

– Тебя никто не заставляет с ним жить, можно просто встречаться...

– Да причем здесь твой отец?! Дело не в отце! Просто я поняла, что последние живут в одиночку. Жить я могу только одна! – Лика потеряла ушибленный лоб. – И потом... каждый день видеть любимого человека, сидящим на горшке, знать про все его привычки и болезни – это не для меня. Извини.

– Как странно...

– Что именно?

– Оказывается, йога не пошла тебе на пользу... Занимаешься духовной практикой, а в голове полнейший бардак. Впрочем, как и в квартире.

– А в твоей голове не бардак? – Лика достала тёрку и принялась измельчать кусковой сахар.

– Вместо того чтобы фильмы снимать, идешь на панель!

– На подиум.

– Это одно и то же. Пока ты – столичная дура – дефлорируешь в кружевах и блестках, режиссеры-гастарбайтеры кино про таких, как ты, делают! И призы в Каннах получают!

– Хочешь совет? В следующий раз, на занятиях йогой, попробуй все-таки сесть в первый ряд, чтобы лучше слышать учителя. А теперь проводи меня до лифта. У тебя на лестнице лампочка перегорела.

Лика схватила зажигалку, и первая вышла на поиски лифта, матерясь и теряя тапки. Когда заветная кнопка наконец-то была найдена, Лика захотела что-то сказать, но Воблик нечаянно наступила ей на ногу.

– Ай! – Ликина речь получилась краткой.

– Прости, пожалуйста! – Вика старалась нащупать руку подруги. – Кстати, я пришла пригласить тебя на свадьбу.

– На чью?

– На мою, разумеется. Замуж выхожу за Кроликова.

– Замуж?! Когда?

– Послезавтра.

Лика вздохнула, выпрямила спину и прошептала:

– Желаю счастья.

Лифт задрезбезжал, дернулся и переместил Викторину Кроликову на первый этаж.

А послезавтра Иван Тимофеевич умер... Погиб от несчастного случая. От пустяка. Он спешил к самой лучшей на свете девушке – Лике Филюриной, с тем, чтобы вместе явиться на свадьбу единственной дочери, но Лика ничего об этом не знала. Ей просто захотелось привести в порядок свою квартиру, потому что был обыкновенный субботний день. Она начала с банальной уборки: выкинула свитера и футболки, устилавшие пол, помыла посуду, плиту, холодильник. Потом решила постирать занавески – обычная история, ведь тысячи женщин делают это хотя бы раз в год... Когда она снимала гардины, на подоконнике обнаружилась ваза. Большая, хрустальная, бабушкина. В ней стояли сухие герберы, подаренные когда-то Иваном Тимофеевичем (в этом месте полагается лирическая музыка. Вероятно, так оно и случилось: одна из композиций ранних «Битлз» мелькнула в Ликиной больной голове). Лика полезла на подоконник, чтобы открыть окно, и совершенно случайно задела хрустальную вазу. Следуя закону всемирного тяготения, ваза начала притягиваться Землей... А в это время Иван Тимофеевич проходил вдоль Ликиных окон с новыми герберами и с мыслями о чуде. Настроение у него было великолепным! Он представлял себе, как войдет в ее дом, как обнимет ее плечи, как скажет самое главное, и как все у них будет... зашибись!

– Что-то подруга твоя не заходит! – Толик смотрел в зеркальную дверцу шкафа и дожевывал пиццу – гордость и единственный кулинарный подвиг мадам Кроликовой. С тех пор, как он

женился и переехал на Гороховую, 57, прошло три года. Он по-прежнему руководил Модным домом, а Вика снимала кино и получала призы. Кстати, первый ей достался именно за тот фильм, который не успел доделать отец... – Не знаешь, где Лика?

– Понятия не имею! Телефоны молчат, в Лавриках она не живет. Общие друзья видели ее последний раз перед нашей свадьбой. Лика очень скрытна, ты ведь ее знаешь... После смерти отца она заходила, чтобы вернуть его письма, но я не взяла. И читать не стала.

– Странно. Может, она уехала за границу? А «в контакте» она есть? – на слове «есть» прокуковал звонок. Кроликов посмотрел на часы: в половине первого ночи могли завалиться только Викины подгулявшие актеры. В эти минуты их квартира походила на сквот и ничем не отличалась от тусящей «Ротонды», которая, собственно, располагалась здесь же, на лестнице. Кроликов нехотя встал, щелкнул свое отражение по носу и отправился в коридор.

– Кто там? – осведомился он трижды. Не получив ответа, Толик поспешил за стол. – Наверное, тинэйджеры хулиганят, даже по выходным покоя нет! Слушай, а что если сделать платье из пиццы? И назвать это «Мода фаст-фуд»?

– Было. Фаст-фуд уже было. – Вика надкусила банан и перелистнула страницу модного журнала.

– Да? А чего не было?

– Из одноразовой посуды не было. – Воблик не любила мыть посуду, поэтому обожала пластмассовые ложки, вилки, тарелки и места, где они продаются. – Впрочем, я не уверена.

– Интересно, а из проездных билетов было? – Толику хотелось авангарда и внимания. Чтобы больше не говорили: Кроликов – муж Вобликовой... Обидно!

– Билеты – старо. Делали в Гомеле. А вот свадебное платье из брачных объявлений – такого, по-моему, еще не было.

– Гениально! Я запишу! – кутюрье полез за блокнотом, но тут опять позвонили в дверь.

– Слушай, может, ментов позовем? Достали эти малолетки!

– Обойдемся. Мы им тоже иногда жить мешаем.

– Ну, тогда я сам! – Кроликов засучил рукава, вытащил из кладовки газовый баллончик и зачем-то погасил свет. Странно, но в присутствии Воблика он неожиданно смелел, хотя героизмом никогда не отличался. И даже бесконтактная с некоторых пор мама (она, слава Богу, жила отдельно) всю их совместную жизнь находила Толика излишне осмотрительным. Однако сейчас ее сын доблестно прошествовал в прихожую, и резко распахнул коридорную дверь.

– Вика, принеси фонарик! Они опять все лампочки выкрутили!

Осветив ротонду самым тщательным образом, Вика и Толик поняли, что никого нет. Как только эта мысль посетила обоих, на лестнице тут же стало светло.

– Проводку чинят... А что если сделать платье из проводов? Или из лампочек? – каждую секунду Толик пытался выдать какой-нибудь сюр, но его жена, следившая за новыми течениями в мире Высокой Моды, отрицательно покачала головой.

– Бедный ты мой, бедный! Все сочиняешь, сочиняешь... – Вика поцеловала мужа. – Шей сарафаны из ситца, будешь оригинален!

Они совсем уже хотели уйти, как вдруг Викторина начала лихорадочно тыкать пальцем в сторону белых колонн, которые стояли по кругу.

– Что это? – Вика глядела в одну точку, не моргая и не шевелясь.

– Тень от седьмой колонны?! – однажды Кроликов видел такое во сне. Но сейчас это было наяву. Толик, конечно же, знал, что дом обладает престранными свойствами – вплоть до возможности выйти в четвертое измерение, но в потусторонние силы не верил. Он верил в иголку и нитку, в карандаш и бумагу, в крайнем случае – в гениальные способности жены. – Может, пойдём? – предложил кутюрье, но Вика стояла, как восковая фигура из музея истории города.

В какой-то момент от тени колонны-фантома отслоился женский силуэт. Вика и Толик отлично его разглядели и даже пытались обсуждать. Вначале силуэт был плоским и серым, но потом постепенно рос и, в конце концов, превратился в знакомую девушку. В

несостоявшуюся мачеху Воблика – безвкусно одетую и несуразно живущую, пахнущую духами «Северное сияние» – неуклюжую Лику Филюрину. Удивительно, но запах духов возник только с появлением Лики. Значит...

– Не может быть! – хором сказали супруги Кроликовы. А Воблик добавила:

– Лика, это ты? Иди к нам! – она протянула руку, но Толик тут же ее одернул.

– Ты что, с ума сошла?! Это не Филюрина!

– Ну, начинается! А шляпка, а поля? А глаза, в конце концов?! – Воблику очень хотелось, чтобы Лика составила им компанию: зашла, посидела, рассказала, как живет и почему не желает общаться. А, кроме того, ей было стыдно за то, что все эти годы она занималась собой, своими кинофантазиями, а про подругу совсем забыла. Словно услышав (или считав!) ее мысли, Лика улыбнулась, подошла к стене, достала губную помаду и написала большими красными буквами – их было видно со второго этажа: «Я вас люблю. Полюбите и вы...»

– Мы и так тебя любим! – прошептала Воблик. Фраза эхом прокатилась по своду и не вернулась, как обычно, с другой стороны. Она застряла где-то в дырочках чугунных ступеней, сквозь которые так изощренно проходит свет – маленькими ажурными квадратами... «Первый раз со мной такое. Интересно, почему? Вообще, есть ряд вопросов, ответы на которые получить невозможно. Например, в детстве ты не понимаешь, куда уезжает Луна-Парк, а сейчас – зачем он приезжал», – подумала Воблик.

А Лика Филюрина – вечная звеньевая и последняя любовь немолодого человека – похлопала белесыми ресницами, облокотилась на грязный подоконник, и, найдя отраженье в окне, откорректировала фетровые поля своей юродивой шляпки. Затем она выпрямила спину, потерла давно заживший «третий глаз», и навсегда растворилась в призрачной тени дисгармоничной седьмой колонны...

Вялое зимнее солнце тихо сползло по крыше старинного дома. Начинался обыкновенный трудовой день Викторины Кроликовой – девушки из мегаполиса, которая снимает большое кино.

2009